

Станислав РАССАДИН, обозреватель «Новой»

Пришлось пережить потрясение. Не преувеличиваю: трясло. То есть — попросту прочел книгу «Музыка как судьба», дневники блистательного Георгия Свиридова, изданные «Молодой гвардией». И, казалось бы, мог быть ну не потрясен, но очарован одними лишь меткими или энергичными суждениями выдающегося музыканта, без каковых его и нельзя представить. В отношении меткости стоит вспомнить суждение, отчего нам и французам трудно обрести взаимопонимание: «Вот когда на месте Нотр-Дам де Пари будет зловонная яма с подогретой жижей для небрежливых купальщиков и купальщиц, тогда мы будем разговаривать, понимая друг друга».

Куда шумевшей Елене Чудиновой с ее антиутопией насчет мечети Нотр-Дам! Мы в целом антиутопию предсмотрели по-своему и изрядно-таки опередили...

Но мое потрясение все же иного рода. К чему приступаю с осторожностью, помня об иерархии, в искусстве — реальной.

Ничуть не удивительно, может, даже не странно, что Свиридову «ненавистен» общепризнанный Бах, а с годами стал мерзок Шостакович. Тем более кто заставит старого и ревнивого мастера полюбить «новых» Шнитке и Губайдулину? Правда, сказанное о ней: «сухой дамский организм» — это уж слишком, но вольно было племяннику-составителю обнародовать лядино дневниковое раздражение...

Но вот Рубинштейны, Николай и Антон, в записях о которых — упор на инородчество, так что и роль братьев в устройстве музыкальных учебных заведений, думалось, также общепризнанно благородная, выставляется как чуть ли не провокационная...

А уж поближе к нашему времени... Большой театр — «еврейский лабаз». Патриарх Тихон убит «зубным врачом Гуревичем»; даже сочувствующий родственник-комментатор стыдливо опровергает слух. Педантично указываются как улики вредности и неполноценности «настоящие» фамилии, например, Светлова. (Увы, да, Шейнкман, отчего, между прочим, Михаилу Аркадьевичу приписывалась острота: у меня, дескать, мания величия, хочу переименоваться в Евтушеинмана.) Но и сам Евтушенко, латыш по отцу, представлен как Гангнус. Даже сербская (графская!) фамилия Войновича перекроена в Войновкер...

Вспоминаются, ну конечно, Солженицын, как советские юдофобы объясняли инакость Александра Исаевича; Сахаров — якобы Цукерман; Якобсон или Яков Лев (Александр Николаевич Яковлев). И т.п., вплоть до: «Ныне мы свидетели, как этот малый (! — Ст.Р.) и якобы угнетенный народ пожирает одну христианскую империю за другой». Уровень Шафаревича. Даже, стыдно сказать, Макашова.

Вот попутная и, представьте, все-таки утешительная мысль. Такое не сходит с рук работающим непосредственно со словом: уж как наглядна судьба автора «Привычного дела» и «Плотничьих рассказов». Хотя поди пойми, что тут первичнее в смысле распада: дикая ли помешанность на инородцах или литературное истощение. А музыка... На ином, что ли, уровне подсознания возникает она? Там, куда нет прямого доступа подобной гнусности...

Так или иначе — в чем дело? В сознании собственной недооцененности? Что ж, причина обычная, вечная, случается, и обоснованная. Сам я разве не писал в «Новой», что вроде бы неловко вручать премию «Триумф» Борису Гребеншикову при живом Свиридове?

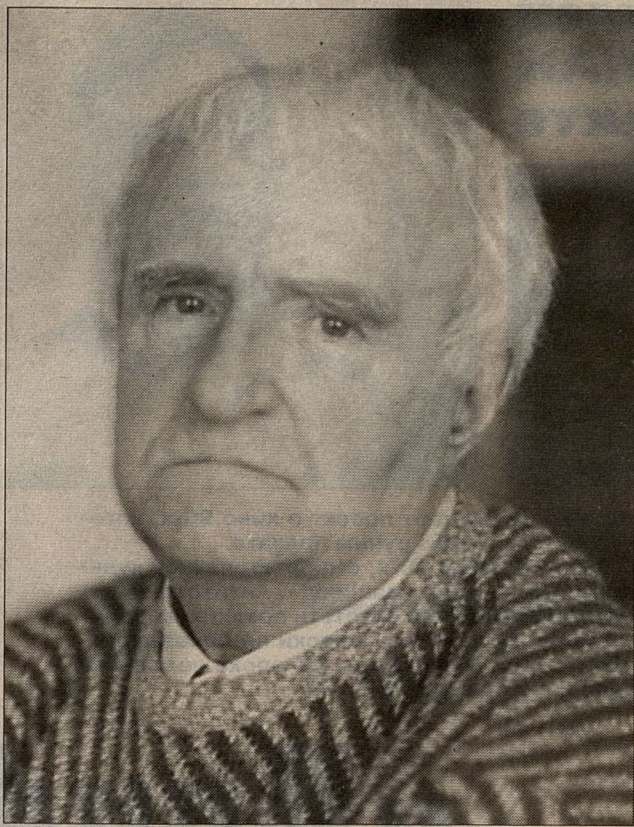
Играло свою роль, понятно, и окружение, источавшее постоянную лесть, общественные и эстетические симпатии-антипатии, хотя и тут — что первично: выбор ли окружения или его влияние? Кто неприятен и чужд? Сахаров («культурный идиот», «изверг»). Ахматов

вроде: «Революция была не столько социальной, сколько религиозно-национальным переворотом». «...Воскрешение древних дохристианских идей — религиозного истребления целых народов...». «Сионисты». «Сатанисты». Чья цель — «просто перебить нас, как собак».

И уж вовсе по-макашовски (как это должно быть лестно генералу!): «Швондер, воцарившийся над всеми народами». «Золотой Жид».

Другое — и вот тут, может, действительно главное — дело, что сила отчаяния определялась и тем, что, в отличие от все более приемлемого Шостаковича, учителя, между прочим, с его «Леди Макбет», Свиридов, как он сам сознавал, сам декларировал, тяготел к никогда не существовавшему вымышленному национальному идеалу: «Пишу «Миф о России»».

Что, повторяюсь, чревато опасностью, выходящей из чрева на свет, ежели не для музыки (допускаю), то уж точно для словесных умозаключений. Как не вспомнить того же Белова, которому так хотелось, чтобы деревня пусть хотя бы в прошлом была такой, какова она в

Георгий Свиридов

СТАРОДУМ

Как опасен этот миф

Дневники композитора Георгия Свиридова и их оценки

ва («нет творческой тайны... Сама ее премия... как видно, устроенная масонской ложей... Связь с еврейскими поэтами»). Пастернак, «грязноватый и умильный». «Говнюк Мандельштам, презренный и бездарный книжный человек Тынянов». В театре: Покровский, Ефремов, Любимов, Эфрос. Из драматургов: Розов, Арбузов, Горин, Рошин, Володин...

Безоговорочно любви — Кунаев, Кожин.

Да почему бы и нет, тем более вкусовые, пусть и идеологические предпочтения все же мелки для того, чтобы объяснить превращения личности калибра свиридовской. Тогда — что же?!

Ведь даже сама сила отчаяния от того, что сделано с любимой Россией Лениным — Сталиным («Истребление нации началось буквально на другой же день после злосчастного Октябрьского переворота»), потом — перестройкой, для которой Свиридов не находит более подходящего слова, как «троцкистская», даже это отнюдь еще не ведет к выводам

его «очерках о народной эстетике» «Лад». Вызвавших отклик ревнителя «правды жизни» Федора Абрамова, самого «из крестьян»: «Какая прелесть!».

Еще бы! И тут же: «Хотя Бог знает, в каком подкрашенном виде предстанет крестьянская Русь прошлого. Лад... Да был ли когда-либо лад на Руси? Не в этом ли трагедия России, что она никогда не смогла дойти до лада?».

А трагедия (мельче мерить не стоит, если говоришь о фигурах значительных) ревнителей «лада» — в том, что они в него поверили?

И моя дурную привычку читать сразу несколько книг, одновременно со свиридовской листал «Обещание на рассвете» Романа Гари. И вдруг нашел ответ на мучающие меня сомнения.

Ему, выходя из России, как нельзя не понять, сыну Ивана Мозжухина, мать с младенчества внушала именно миф о Франции. «О далекой стране, где исполняются самые невероят-

ные мечты, где все равны и свободны, артисты приняты в лучших домах, а Виктор Гюго был президентом Республики...» Бредни! «...Франция в лирических и вдохновенных рассказах моей матери с раннего детства стала для меня сказочным мифом (! — Ст.Р.), далеким от реальности, чем-то вроде поэтического шедевра, абсолютно недоступного и недостижимого для простого смертного».

Трогательно! Прелестно! И — простительно — как для российской еврейки, вымечтавшей такую Францию, так и для русского композитора, сочинившего свой «миф»!

Вернемся к Ромену (Роману). Ему, одному из трехсот выпускников летной школы, не присвоили офицерского звания. (Будущему герою Освобождения и Сопротивления, кавалеру ордена Почетного легиона, награжденному боевым крестом, и т.д.) Причина, вернее, повод — он всего лишь три года как стал натурализованным французским гражданином.

Какова же реакция на несомненное оскорбление?

Признаюсь, и это тоже меня именно потрясло до слез, в несколько ином смысле: «...Довольно неожиданным следствием моего провала было то, что с этой минуты я действительно почувствовал себя французом...».

Не перевести ли на язык нашей реальности? Евреем...

Когда реальность противится твоей воле, ты или разочаровываешься, или, что чаще, начинаешь искать супостатов

«Лицом кавказской национальности»... Да и русским в России, черт побери!

Продолжу: «Я по-настоящему ассимилировался. Наконец-то я понял, что французы — не исключительная раса, что они не лучше меня, что и они могут быть глупыми и смешными — короче, что мы, несомненно, братья».

Мало того: «...Только в зрелом возрасте мне удалось наконец отделаться от своего франкофильства, только где-то в 1935 году, в разгар событий в Мюнхене, я почувствовал, как меня понемногу стали охватывать ярость, отчаяние, отвращение, вера, цинизм, надежда и желание все разнести, и я окончательно расстался со сказкой кормилицы ради родной и неприглядной действительности».

Напоминать ли — говорит патриот, герой Франции? (Так что отчасти даже неловко говорить о себе самом, для кого венгерский позор 1956-го и пражский 68-го были не только стыдом за СССР, но и новыми приступами любви к России.)

Замечательному русскому композитору для убедительности рожденного им мифа о России понадобился миф черный — «о малом народе». Дело не новое, вот что, однако, парадоксально... Или закономерно? Миф, задуманный как наисветлейший, выходит... Но с заключением погодим.

«Саморастворение» — эта основополагающая черта увидена в характере России и русских. Что не расходитесь, скажем, с христианским сознанием Пастернака: «Я ими всеми побежден, / И только в том моя победа». Пока... Но какова агрессия: «Это — русское, идет у нас с Востока, но смешано с православным христианством, с верой, чуждой европейскому сознанию... Самоумаление, самоумничожение... Страдательная черта, страдательная вера! Таков наш удел».

По правде ужасно, ежели так. Но допустим. Хуже, что и тут поиск врага — естественно, иудаизма. В отличие от которого у «нас», у русских, «нет неумолимой, всеобъемлющей жестокости, той, которая — не черта характера того или иного, а входит как главное в сам религиозный характер народа». Разумеется, того самого, «малого».

Впрочем, на этом уровне пока можно спокойно спорить: Ветхий Завет... Новый Завет... Иудаизм... Христианство... Да христианство ли?

«Жестокость же язычества (славянского, нашего!) — Ст.Р.) — это беззлобное, даже, например, каннибализм. Здесь нет (не то что у «них»). — Ст.Р.) всеобъемлющей злобы, а — гедонизм, удовольствие, ощущение сладости человеческого мяса и тому подобные ужасы, не так, однако, опасные для мировой жизни, ибо не стремятся к мировому господству»...

Можно, конечно, черنو пошутить: да, дескать, пусть сукин сын, точнее, людоед, но наш людоед. Можно сказать о вопиющем антиисторизме, ибо переход к единобожию был неизбежно связан с идеей личности... Или был возможен скачок от каннибализма прямо ко Христу?

Но сейчас — о другом. Сам утопический, мифологизированный образ Руси, России, чьей мифологизацией мы и увлечены: у кого Петр, у кого Иван, Александр II (или III), Столыпин, Ленин, Сталин, аж до добряка Брежнева, — этот образ вдруг с особой наглядностью и назидательностью предстал (и ведь не у шпаны, у знаменитого музыканта!) поистине страшным. Бесчеловечным. Вернее, обезчеловеченным. «Каннибализм... Сладость человеческого мяса...» Бр-р!

Что тут закономерно? Мифологизация вообще усилие волевое. Насильственное. А когда реальность противится твоей воле, когда миф не совпадает с тем, что зримо вочию, ты или разочаровываешься, или, что чаще, начинаешь искать супостатов. На чьем злокозненном фоне твой миф, твой лад еще посияет.

Спасибо Свиридову — без иронии. За нагляднейший из уроков.

Свиридов, как он сам сознавал, сам декларировал, тяготел к никогда не существовавшему вымышленному национальному идеалу